

Хосроу Шахани

ДРУЗЬЯ-ПРИЯТЕЛИ

ХОСРОУ ШАХАНИ

Важнейшим жанром в персидской литературе был и продолжает оставаться короткий рассказ.

В этой области успешно работают такие писатели, как Мохаммад Али Джамаль-заде, Садек Чубак, Бехазин (Этемад-заде), Джалал Мир Садеки, а также молодые новеллисты Ахмад Махмуд, Фаридун Танкабони, Ибрахим Голестан, Надер Ибрахими, и другие. В своем творчестве они поднимают проблемы, волнующие широкие слои передовой иранской общественности, пишут о жизни и буднях простого человека, о его лишениях и горестях, повседневных заботах и огорчениях, о его мечтах, устремлениях и надеждах.

За последние годы в иранской печати все чаще стало появляться имя писателя-сатирика Хосроу Шахани (родился в 1929 году). За 1964—1970 годы вышли отдельными изданиями пять его сборников: «Проклятый слепой», «Церемония открытия», «Богатырь нашего квартала», «Город ужасов» и «Не тот человек».

В рассказах Хосроу Шахани ощущается благотворное чеховское влияние. Под его пером незначительные на первый взгляд бытовые комедийные ситуации становятся средством показа гримас социального неравенства, обличения пороков капиталистического общества.

Издательство «Наука» готовит к изданию сборник Хосроу Шахани. В этом номере публикуются три его рассказа в переводе с персидского Дж. ДОРРИ.

КОГДА это случилось, сейчас уж точно и не скажу. Помню только — в ту самую осень, когда два дня рамазана¹ оказались рядом с выходными — четвергом и пятницей, и, таким образом, у нас оказались четыре дня свободных.

Накануне мне позвонил Исмаил и предложил отправиться на его машине в Исфаган и Шираз. Я подумал, что это неплохая идея: ведь у меня в запасе четыре с половиной дня. Погуляем, отдохнем, осмотрим исторические памятники и в пятницу вечером вернемся домой.

В понедельник после обеда мы тронулись в путь. Не проехали и нескольких десятков километров, вижу: Исмаил, сидящий за рулем, клюет носом, машина то и дело съезжает на обочину. Я вообще-то знал, что Исмаил не прочь побаловаться терьяком², но и помыслить не мог, чтоб он так пристрастился к наркотикам — без них впадает в дремоту, и все тут. Сперва я хотел без обиняков заговорить с ним об этом, да подумал: а вдруг я ошибаюсь? — и осторожно спросил:

— Исмаил-хан, может, тебе от-

дохнуть немного? Давай в первом же подходящем местечке остановимся, подремлем немного, а потом двинемся дальше.

— Нет, давай уж доедем до какого-нибудь нормального города. Всякие эти местечки, дорожные кофейни — чепуха. Там толком не отдохнешь.

Я промолчал. Проехали еще немного — замечаю, что у Исмаила начало течь из носа.

— Ты что, простудился? — спрашиваю я.

— Да нет, просто так.

— Что значит «просто так»? Глаза у тебя слипаются, из носа течет... Уж не стал ли ты наркоманом?

— Да так, слегка, серединка на половинку.

— Какое там «серединка на половинку»? Ты смахиваешь на заправского курильщика опиума.

— Ну, верно. Видишь ли, за последнее время я как-то незаметно пристрастился к этому делу.

— Как же нам теперь быть? У тебя с собой есть хоть что-нибудь?

— К сожалению, нет. Не успел купить. Немного у меня оставалось, да я перед обедом все выкурил. Думал, по дороге что-нибудь сообразим.

— Ну, братец, если уж ты такой любитель, то хоть бы позаботился о себе. Товар-то контра-

¹ Рамазан — мусульманский религиозный праздник.

² Терьяк — наркотик, получаемый из опиумного мака.

бандный. Разве в здешней глуши разбудешь эту чертову отраву. К тому же за горошину терьяка можно сесть в тюрьму.

— Ну что ж, едем дальше, авось что-нибудь придумаем.

В первом же встречном городе мы остановились. Исмаил приткнул машину к тротуару, вытер нос и заявляет:

— Давай, братец, действуй!

— Это как же?— говорю.

— Ну, узнай у кого-нибудь из прохожих, где можно приобрести товар.

— Помилуй,— говорю.— Ты меня зачем с собой пригласил: показать красоты Исфагана и Ши-раза или с контрабандой путаться?

— Не будем время зря проводить. Действуй!

Боже праведный, что же мне делать? Если б я только знал раньше, что с Исмаилом, я бы как-нибудь помог ему в Тегеране или отказался бы от поездки. А теперь никуда не денешься: возвращаться домой нет смысла, да и бросать Исмаила в таком плачевном состоянии не годится.

— Ну ладно,— согласился я,— только отойди в сторонку, чтоб никто не догадался по твоей физиономии, для какой цели мне терьяк понадобился.

Остановил я господина в чалме, с впалыми щеками.

— Извините, пожалуйста, вы не местный житель?

— Да.

— Я хотел бы узнать, где здесь аптека.

Он показал на какую-то улицу, назвал адрес и двинулся дальше. Я не отставал.

— Еще раз извините, но мы здесь проездом, у нашего ребенка болит ухо. В вашей аптеке не продается... это... как его?

— В нашей аптеке можно купить все!— отрезал прохожий и зашагал прочь, да так быстро, будто ему в штаны блоха попала— не терпится изловить ее.

Я тоже ускорил шаги.

— Выслушайте меня, пожалуйста. Меня интересует, есть ли в аптеке т...тер...терьяк. Немного терьяка. Хотя бы с чечевичное зернышко.

Господина всего передернуло, он сурово уставился на меня. «Ну,— думаю,— сейчас мне крышка. Позовет полицейского...»

— Что вы сказали?— сухо переспросил он.

Растерялся я, но все-таки не отступил.

— Я насчет терьяка. Где бы его достать? Надо помазать ушко ребенку...

— Не смей произносить этого слова!— изрек господин в чалме.— Того, кто скажет вслух «терьяк», «водка» и тому подобное, у нас сажают задом наперед на осла и возят по городу на всеобщее посрамление.

От страха у меня в животе похолодело.

— Нет, нет,— говорю,— я совсем не то имел в виду. Вы не поняли меня. Извините пожалуйста.— И вернулся к Исмаилу. А он еле живой стоит, бедняга, прислонившись к забору.

— Ну, что, раздобыл?— спрашивает слабым голосом.

— Потерпи, что-нибудь придумаем. А если ничего не выйдет, то посадим тебя верхом на осла, а я примощусь рядышком.

— Сейчас не до шуток,— обиженно говорит он.— Давай шевели мозгами, а то мне совсем худо.

Я смекнул: дело к вечеру идет, в темноте, если что, удрать легче.

Когда стемнело, я принялся шагать вдоль тротуара и осторожно выпрашивать у прохожих, где можно достать наркотик. Все только отмахивались. Тогда, набравшись нахальства, я подошел к полицейскому. После обычных приветствий и разговоров о погоде, о городе и о роли полиции я наконец задал ему наболевший вопрос.

Полицейский понимающе взглянул на меня, хитро улыбнулся и сказал:

— Давай сюда ребенка, я вас отведу, смажем ему ушко терьячком.

— Дело в том,— начал выкручиваться я,— что мать не отпускает его далеко от себя. Вы скажите адрес, мы сами сходим туда.

Лукавая улыбка заиграла на губах полицейского.

— Короче говоря, сколько вас?

Вижу, похоже на то, что появляется какая-то надежда.

— Двое!— отвечаю.

— Зови своего приятеля, что-нибудь придумаем!

Сердце у меня оборвалось. А если он решил сдать нас в полицейский участок? Что тогда?

Почувствую мою нерешительность, полицейский успокоил меня:

— Да ты не бойся, тащи его сюда, только будьте осторожны. Знаете, как в нашем городе поступают с теми, от кого несет терьяком или водкой?

— Да знаем!— говорю я.

— Ладно, в таком случае не теряй времени.

Я побежал за Исмаилом.

— Чего стоишь? Пошли быстрее, все в порядке!

Исмаил немного приободрился и заковылял за мной. Полицейский увидел его— хохочет:

— Так у этого ребеночка болят ушки?

— Да!— говорю. И изложил ему откровенно все наши злоключения.

Полицейский подозвал какого-то паренька, шепнул ему что-то на ухо и приказал нам следовать за ним.

Порядком поплутав по темным переулкам и закоулкам, мы очутились у маленького домика. Мальчик поднял с земли камешек и несколько раз постучал им в дверь. На пороге показался другой мальчик, а наш проводник тут же исчез.

Мы вошли в темную прихожую, наощупь спустились по нескольким ступенькам и оказались во дворе. Мальчик велел нам тихо, на цыпочках, пройти в конец двора и там, раздвинув заплатанную, грязную занавеску из дерюги, впустил нас в комнату. Пол здесь был застлан старой затоптанной циновкой, посредине стояла жестяная жаровня-мангал, и возле нее на корточках сидел человек в зеленой чалме и халате. Напротив расположился жандарм с трубкой во рту.

Поздоровавшись, мы подсели к мангалу. Почуввав запах знакомого дымка, Исмаил воспрянул духом, глаза заблестели...

Опытный хозяин— этот, в зеленой чалме, Сеид Реза,— положил горошину терьяка в трубку и протянул ее Исмаилу. Тот жадно припал к ней, как голодный младенец к материнской груди, как жаждущий в пустыне к живительному роднику.

После второй трубки Исмаил заговорил. Он калачиком сложил ноги, налил себе из чайника крепкого чаю.

— Мы слышали, будто таких, как я, курильщиков в вашем городе сажают задом наперед на осла и возят по улицам...

— Да,— отвечает хозяин,— вы даже не представляете себе, какие строгости ввели местные власти. За крупинку терьяка, за каплю водки отправляют человека в такие края, откуда нет возврата. А впрочем, оно и правильно. Давно пора искоренить пороки общества. Да продлит аллах жизнь нашему начальству.

— Совершенно с вами согласен,— поддержал я.

— Если бы не эти суровые меры,— продолжал ага Сеид Реза,— если бы наши власти так

самоотверженно не взялись за это дело, то, ей-богу, положение в нашем городе было бы плачевнее, чем в Китае в недалеком прошлом.

Вижу, хозяин не лишен эрудиции и говорит дельно.

Пока Исмаил докуривал третью трубку, а я ждал, когда все это кончится и мы двинемся в дальнейший путь, вошел знакомый мальчуган и объявил:

— Папа, там господин начальник отдела юстиции!

Я так и обмер. «Ну,— думаю,— попались! Выследили, застигли на месте преступления!..»

— Пусть заходит!— говорит хозяин.

— Что это значит, ага Сеид Реза? Что потерял здесь начальник отдела юстиции?

— Не беспокойтесь, господа,— невозмутимо отвечает хозяин.— Это свой человек, весельчак, каких мало. Иногда в свободное время он заглядывает к нам.

Занавеска раздвинулась, и в комнату неслышно проскользнул мужчина лет сорока пяти, в пижаме, халате и домашних туфлях. Он вежливо поздоровался и сел около Исмаила, напротив аги Сеида Резы. Жандарм тут же встал и вышел. Исмаил предложил вновь вошедшему господину трубку:

— Прошу, ваша честь!

— Ну что вы, не беспокойтесь, курите, я подожду,— скромно ответил тот.

Выкурив две трубки, новый гость спросил:

— Ага Сеид Реза, а начальник полиции еще не приходил?

— Пока нет, ждем его с минуты на минуту,— ответил хозяин, ставя перед гостем стакан крепкого заваренного чая.

«Настоящий притон,— подумал я.— Ну и ну!»

А Исмаил, гляжу, совершенно здесь освоился. Улыбается, нараспев декламирует стихи Хафиза:

*Аскет, не зови меня в рай —
выбор твой неудачен:
Господь замесил меня так,
что рай мне назначен.*

Голова начальника отдела юстиции закачалась, подобно маятнику, в такт стихам и, отложив в сторону недокуренную трубку, он подхватил:

*Тебе — благочестие, четки,
молитва, закон.
А мне — погребок,
где молятся — только иначе.*

Тут и я, чтоб не ударить в грязь лицом, напряг память и продолжил:

*О суфий³, тем в рай не попасть,
чей достаток, как мой,
На пьянство в подвалах
до рубища не был истрачен⁴.*

— Браво, браво! Молодец! Здорово!— слышались одобрительные возгласы моих партнеров.

И завязалась у нас самая оживленная беседа: мы рассказывали, откуда мы и куда едем, с какими трудностями отыскивали это заведение и как нам посчастливилось оказаться в одном обществе с таким приятным собеседником.

Вскоре пришли еще двое — начальник полиции и начальник отдела финансов. Наш новый приятель представил нас как веселых, жизнерадостных людей с прекрасным вкусом, любителей поэзии. Не успели еще мы как следует познакомиться, как вошел сын хозяина и сообщил радостную весть о прибытии начальников отдела статистического управления, отдела борьбы с наркотиками и отдела искоренения притонов и публичных домов.

Итак, нас стало восемь, а не прошло и часу, как наше общество еще вдвое увеличилось. Причем, заметьте, в нашей компании только мы с Исмаилом оказались не начальниками, а что касается остальных, то ниже заместителей начальников отделов не было ни одного. И надо сказать, все, как на подбор, весельчаки, остроумцы и жизнелюбы.

— А вы, что, терьяк не уважаете?— заметив, что я не курю, спросил начальник отдела юстиции.

— До сих пор никогда не пробовал,— ответил я.— Может быть, после сегодняшнего вечера, благодаря старанию друзей, закурю.

— То есть вы хотите сказать, что ничего не употребляете?

— Употребляет, — заступился за меня Исмаил, — но того, что ему надо, видимо, здесь не достать.

— Все, чего только ни пожелаете, раздобуду!— заявил на-

чальник отдела по борьбе с наркотиками и алкогольными напитками.— Что прикажете: героин, кокаин, гашиш, чарс, банг?

— Да нет,— растерянно ответил я,— всего этого мне не надо. Вот если б нашлась четвертинка водки, я бы не отказался. И то потому только, что в вашем обществе не хочу быть трезвенником.

Начальник отдела по борьбе с наркотиками подозвал сына аги Сеида Резы и, сунув ему в руки двадцать туманов, приказал:

— Сходишь к Кяль Абдулле и от моего имени попросишь, чтобы по тому же самому адресу, по которому он позавчера посылал три бутылки контрабандной водки, доставили еще две. По дороге купишь несколько шампуров кебаба, кислого молока, огурцов, хлеба и зелени.

И часу не минуло, как явилось все заказанное. Весь вечер мы ели, пили, пели и веселились, ведя оживленную беседу на самые различные темы, начиная с падения третьего рейха и кончая способами приготовления маринowanego перца и варенья из баклажанов.

Около двух часов ночи все, кроме нас, разошлось по домам. Нам же любезный хозяин предложил две деревянные кровати в соседней комнате: «Переночуйте здесь, а поедете завтра».

Назавтра пробудились мы уже к вечеру. Господин начальник отдела юстиции вместе с хозяином ждали нас у мангала. Мы умылись, прибрались и отправились к ним. Расцеловались, как старые приятели. А через час все вечернее общество было опять в сборе.

И третий и четвертый день мы провели под гостеприимным кровом Сеида Резы. И субботу — рабочий день — прихватили.

Только в воскресенье утром с огромным трудом, после всяческих уговоров, просьб и угроз мне удалось заставить Исмаила распрощаться с уважаемым хозяином. О посещении Исфагана и Ширазы уже и речи не было.

Направляясь к своей машине, мы встретили на том же перекрестке нашего знакомого полицейского.

— Как ваш ребеночек? Помазали ему терьячком ушко?— за- улыбался он.

— Да, да. Огромное вам спасибо.

— Не забывайте: если опять заболит ухо — прямехонько сюда!

³ Суфий — последователь суфизма — мистико-аскетического направления в средневековом исламе.

⁴ Стихи даны в переводе Е. Дунаевского.

Мы раскланялись с ним и повернули на ту улицу, где пять дней назад оставили свою машину. Нет машины. Что такое? Может, мы перепутали улицу? Нет, вроде улица та же, все приметы те же!

Мы обегали весь город. Исмаил метался туда и сюда, как обезглавленная курица, но машина будто сквозь землю провалилась.

— Пойдем-ка к начальнику отдела юстиции,— предложил я.— Он ведь наш приятель, наверняка поможет нам.

О том, какого труда нам стоило добиться приема у этого высокого начальника, я не буду рассказывать. Когда наконец мы попали к нему и сообщили о случившемся, он, подумав, сказал:

— Клянусь аллахом, это гиблое дело!

— Почему же?

— Да потому, что, если вы скажете, где провели все это время, вам же самим будет хуже. Возникнут непредвиденные осложнения. Если же вы вздумаете приплести сюда нас, то вам совсем несдобровать.

— Что же в таком случае нам делать?

— Советую просто махнуть на все рукой!

— То есть как? Что значит — махнуть рукой? На собственную машину?

— А вот так и махнуть! В компетентных органах, где будет разбираться ваше дело, вас спросят: где, когда, почему вы оставили машину? Где и с кем вы провели эти дни? Чем занимались? И в результате применят по отношению к вам те самые суровые законы, которые приняты в нашем городе.

— То есть вы хотите сказать, что...

Он бесцеремонно оборвал меня:

— Вот именно! И больше не приставайте ко мне, не мешайте работать! В противном случае, если только я дознаюсь, где вы куролесили все это время, чем занимались, я тут же велю посадить вас задом наперед на двух ишаков.

Вижу, что упорствовать бесполезно. Знакомец наш видал вид, его ничем не проймешь!

— Да, братец,— говорю Исмаилу — господин начальник совершенно прав. Пойдем отсюда.

Вышли мы ни с чем и поплелись к гаражу — раздобыть ка-

Мирзо Турсун-заде —

60 лет

Исполнилось 60 лет выдающемуся советскому поэту, крупнейшему представителю современной таджикской литературы, неумолимому общественному деятелю Мирзо Турсун-заде. Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, народный поэт Таджикистана, он пользуется всенародной любовью и признанием.

У Мирзо Турсун-заде много друзей во всех странах мира. Бессменный председатель Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, он активно участвует в борьбе народов против империализма и колониализма.

Редакция журнала «Азия и Африка сегодня» сердечно поздравляет замечательного поэта и гражданина со славным юбилеем, желает ему здоровья и новых творческих свершений.

кую-нибудь копымагу, на чем вернуться в Тегеран. Проходим мимо бакалейной лавки, смотрим — возле нее сущее столпотворение. Бедняга Исмаил подумал, что это его машина отыскалась.

— Что случилось? — спрашиваем людей.

— А ничего особенного. Начальник отдела по борьбе с наркотиками решил обыскать эту

лавку, где, по его сведениям, запрятан терьяк. И вот сейчас господин начальник вместе с другими уполномоченными на то лицами роются в товарах. Ох, посадят они бакалейщика задом наперед на осла!

Исмаил печально взглянул на меня, шмыгнул носом и сказал:

— Дальше я идти не могу.

— Что же прикажешь делать?

— Вернемся к аге Сеиду Резе!

ПЛАСТИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

ХОСРОУ ШАХАНИ

ОГДА скончался, благо-
слови его аллах, гу-
бернатор, нас охва-
тила невообразимая скорбь.

За все те годы, что покойный
был нашим губернатором, никто
не сказал о нем худого слова.
Ведь он по-отечески заботился
о своих подданных и по мере си-
лы-возможности помогал бедня-
кам.

Чтя заслуги усопшего, гроб нес-
ли на руках до самого кладби-
ща. Траурной процессии с чер-
ными флагами и множеством
венков не видно было конца.
А на следующий день в собор-
ной мечети состоялся заупокой-
ный молебен, на котором вместе
со всеми жителями города при-
сутствовал и ваш покорный
слуга.

На молебен были приглашены
фото- и кинокорреспонденты, да-
бы увековечить эту церемонию,
которая ярко демонстрировала,
что народ разбирается в своих
правителях и всегда отличит чес-
ного от подлеца.

На отпевании я сидел напро-
тив кафедры. Два чтеца нараспев
читали отрывки из корана. Гости
бубнили молитвы, шушукались,
воздавая должное высокому нрав-
ственным качествам покойного.
С лиц не сходило выражение
скорби — утрата опечалила всех.

И надо же было случиться:
в самый разгар панихиды мне
пришел в голову анекдот, рас-
сказанный накануне приятелем,
ужасно смешной анекдот.

Скрестив пальцы, судорожно
сжимая их, я старался воскресить
в памяти образ покойного, чтобы
придать лицу скорбное выраже-
ние. Но чем больше я подавлял
смех, тем сильнее меня распира-
ло. Тогда я стал думать обо всех
известных мне страшных ве-
щах — об инквизиции, мучениях
ада... Но и это не помогло. Ка-
залось, кто-то нарочно задался
целью смешить меня, нашепты-
вая на ухо то забавнейшие исто-
рии о Мулле Насреддине, то

анекдоты про Обейда¹. Я бук-
вально помирал со смеху.

Правда, я смеялся беззвучно,
но как можно было скрыть скри-
вившую мой рот улыбку? Боже,
что будет, если под сводами ме-
чети раздастся мой гомерический
хохот? Как на это посмотрит ора-
тор? А уважаемые достопочтен-
ные отцы города? Что сделают
со мной родственники усопшего?
Изругают! Выгонят вон! Я отчет-
ливо представил себе, как я убе-
гаю от них, ношусь вокруг мече-
ти. А они гурьбой преследуют
меня...

Короче говоря, один аллах
ведает, как я измучился в тот
день из-за этого проклятого сме-
ха. А когда после молебна я вы-
шел на улицу, мое веселье мо-
ментально испарилось...

Прошло дней десять-двена-
дцать. Как-то раз в служебные
часы в комнату к нам вошел не-
известный господин и что-то
спросил у моих сослуживцев.
Они кивнули в мою сторону. Не-
знакомец приблизился ко мне и
шепнул на ухо:

— Следуйте за мной, я из
седьмого отделения.

— С кем имею честь? — поин-
тересовался я.

— Я уполномоченный! — отве-
тил он.

— А что случилось? Почему я
должен идти с вами?

— Не знаю. Моя задача —
отыскать вас и доставить по на-
значению.

Поскольку совесть моя была
чиста, я спокойно встал и вместе
с незнакомцем направился в седь-
мое отделение.

Когда я вошел, начальник при-
гласил меня сесть. Я сел. На-
чальник закрыл лежащую перед
ним папку и раскрыл новую.
Уточнив мои биографические дан-
ные, он спросил:

— Какие у вас были отноше-
ния с покойным губернатором?

¹ Обейд Захани (умер в 1370 го-
ду) — известный иранско-таджик-
ский поэт-сатирик.

— Никаких отношений, ваше
превосходительство, — ответил я.
— Куда мне до губернатора...
Но он — милейший человек! Я, как
и все, расстроен, его смертью.

— Зачем ты потащился на мо-
лебен?

— То есть как зачем? Стран-
ный вопрос, господин началь-
ник! — удивился я, а сам подумал:
видимо, покойник в чем-то про-
винился, а я, ничего не зная об
этом, пошел на панихиду по
нему. Как бы теперь не расце-
нили это как свидетельство моей
с ним близости!

Я проглотил слюну, собрался,
с мыслями и, чтобы не попасть
впросак, уклончиво ответил:

— Все пошли, ваше превосхо-
дительство, ну и я пошел.

Начальник понимающе улыб-
нулся:

— Я знаю, что все пошли. Но
все пошли, чтобы разделить го-
ре близких покойного. А ты за-
чем потащился?

— Ну и я для этого же по-
шел, — неуверенно ответил я. —
Мне непонятно, что вы имеете
в виду.

— Ничего, сейчас поймешь, —
затянувшись сигаретой, ответил
начальник.

Он достал из ящика стола две
объемистые картонные коробки
и спросил:

— Почему ты был противником
губернатора?

— Противником? Что вы! Да
если бы я был противником гу-
бернатора, разве я провожал бы
его гроб пешком до самого клад-
бища?

— Ну а если ты не был его
врагом, почему ты радовался его
смерти?

— Кто, господин начальник, я?

— А кто же еще?

Ну и дела! Похоже, что раз-
говор принимает дурной оборот.
Во рту у меня пересохло, кровь
стучала в висках, но в то же вре-
мя я был рад, что покойник по
крайней мере ничем не запятнал
себя. К тому же чувствовалось,
что и начальник седьмого отде-
ления — один из его почитате-
лей...

— Господин начальник! — вос-
кликнул я. — Что вы изволите
говорить? Как я мог радоваться
кончине губернатора?! Как вооб-
ще можно радоваться чьей-либо
смерти?!

Тогда его превосходительство
раскрыл картонную коробку, до-
стал из пачки фотографий одну
и протянул ее мне:

— А ну-ка посмотри. Узнаешь,
кто это?

Я взглянул на фотографию. На ней была запечатлена панихида по губернатору, где весь город, все наши именитые граждане сидят мрачные, печальные, будто отца родного потеряли. И лишь один человек улыбается — это я.

— Да, узнаю, — отвечаю. — Вон тот, слева, — ваш покорный слуга. Начальник положил фотографию на стол и протянул мне другую. И на этой у меня улыбка до ушей!

Одним словом, на всех трех снимках я улыбаюсь во весь рот, в то время как все остальные плачут.

Показав снимки, господин начальник повелительным тоном сказал:

— Ну, какие еще тебе нужны доказательства? Неужели опять будешь упираться? Если бы ты не был врагом покойного, что бы заставило тебя радоваться его смерти? А вот тут пять кинолент, на них еще ясней видно, как ты торжествовал и злорадствовал!

Боже мой, попробуй теперь выкрутиться! Как я ни унижался, как ни призывал аллаха в свидетели, начальник так и не поверил, что смеялся я просто оттого, что смешинка в рот попала.

Прошло два года. В один прекрасный день по городу прокатился слух, что новый губернатор выдает дочь за своего заместителя. Вскоре этот слух подтвердился, и многим были разосланы пригласительные билеты на свадьбу. Среди других приглашен был и ваш покорный слуга.

Получив приглашение, я сразу же вспомнил оказию, приключившуюся со мной два года назад на молебне по покойному губернатору, и меня охватило сомнение. Идти на свадьбу или нет?

Не пойти, думаю, мои недоброжелатели могут сообщить господину губернатору, что такой-то не уважает его и потому не явился на свадьбу. Гойти — а вдруг повторится прежняя история?

До самого последнего момента я колебался. Наконец решил все-таки пойти.

В назначенный вечер я постригся, побрился, приоделся и отправился на свадьбу. Что это была за свадьба! Какие были цветы, какая иллюминация! Какие фрукты, сладости, шербеты! Какие роскошные дамы и господа! Шутка ли сказать — сам губернатор дочь замуж выдавал!

Я присел в дальнем углу около торшера со свечами и огляделся по сторонам. Смотрю, все

смеются, и я тоже стал следить за тем, чтобы улыбка не сходила с моего лица.

После шербета ко мне подошел официант с подносом, уставленным высокими фужерами:

— Не желаете выпить?

Думаю, отказаться нельзя. Доносят губернатору, что на свадьбе его дочери такой-то не захотел выпить за ее здоровье... Снова пойдут неприятности.

— С удовольствием, — говорю.

Осушил залпом бокал и не успел еще поставить его на место, как передо мной словно из-под земли вырос второй официант с подносом:

— Не желаете?

— Благодарю, с удовольствием.

Выпив второй бокал, я сразу же почувствовал, как по телу разливается приятное тепло. Все поплыло перед глазами. В ушах загудело.

Вокруг снова лежали фотографии и, как положено на таких торжествах, щелкали затворами направо и налево.

Постепенно меня совсем разморило. Я меланхолически уставился на мерцающий пламень свечи и на мотылька, кружащегося вокруг нее. Его опаленные крылышки так расстроили меня, что на моих глазах выступили невольные слезы: «Несчастный мотылек, влюбленный в огонь! Почему ты сгорел?». — И я стал нашептывать знакомые стихи про влюбленного в пламя свечи мотылька... Я упивался нахлынувшей на меня грустью. Перед внутренним взором моим вставали разные печальные картины. Я вспомнил о трагической смерти двоюродного брата, и слезы градом покатились по моим щекам. Одним словом, я витал в другом мире и не в силах был вернуться на землю...

Уже за полночь, когда гости стали расходиться, я вышел на улицу в грустном и печальном настроении.

Не прошло и недели, как тот же самый уполномоченный снова свалился на мою голову!

— А что случилось теперь?

— Я не в курсе дела, мне лишь поручено доставить вас в седьмое отделение.

Ох, это отделение, по всей видимости, существовало специально для меня.

Войдя в кабинет, я увидел уже знакомого мне господина. Он сидел за столом и перелистывал страницы очередного дела. При виде меня он взвился с места:

— Негодяй! Что прикажешь теперь с тобою делать?

— Что случилось, ваше превосходительство? Разве я опять, не дай бог, смеялся?

— Если бы ты смеялся! — завопил он. — Да ты просто вероломный изменник. Понимаешь: изменник!

— Что вы! Кому я изменил? Что я за персону, чтобы оказаться изменником?

— Ты враг любой власти, любого губернатора, любого правительства! Понял?

— Понял, понял... Но почему, ваше превосходительство? Откуда вы это взяли? Да поразит меня небо, если я враг губернатора! Клянусь аллахом, я исправно плачу налоги, беспрекословно подчиняюсь всем указам. Какие у вас доказательства, что я его враг?

Его превосходительство выхватил из стола картонную коробку с фотографиями и, взяв оттуда наугад снимок, протянул мне. Свадьба дочери губернатора. Гости сияют радостными улыбками. Только я, несчастный, с выражением глубокой скорби на лице и глазами полными слез устался в одну точку. На второй фотографии то же самое: все улыбаются, а у меня вид круглого сироты, только что потерявшего последнего из близких.

— Ну, ты и теперь будешь отрицать свое предательство? Ты враг господина губернатора, поэтому и не можешь спокойно глядеть на счастье его дочери. Знай, что эти фотографии показали ему и он распорядился, чтобы мы следили за тобой в оба.

Я снова клялся аллахом, объяснял, что причина моих слез — жалость к сгоревшему мотыльку и воспоминание о погибшем брате, что я вовсе не враг губернатора... Но переубедить начальника было невозможно.

Выйдя от него, я раскинул мыслями. В нашем городе я живу постоянно. Значит, в любой день жди приглашения то ли на панихиду, то ли на свадьбу. Если из каждых десяти церемоний я буду посещать всего две, то у меня все равно не хватит терпения таскаться по этим отделениям и оправдываться, почему я там улыбался, а здесь хмурился. И я стал думать, какой же найти выход. И нашел...

Два года назад я посетил хирурга, и он сделал мне пластическую операцию. Теперь одна половина моего лица улыбается, а вторая плачет.

Врачи нашего квартала

ХОСРОУ ШАХАНИ

 ТАРОЖИЛЫ хорошо помнят, что много лет подряд на одном из домов нашего квартала висела небольшая вывеска: «Кабинет доктора Хабиба. Прием с 9 до 12 и с 18 до 20 часов».

Доктор Хабиб был единственным на весь район врач, поэтому не удивительно, что и все окрестные обитатели, независимо от возраста, пола, общественного положения и характера заболевания, обращались только к нему. Доктор каждому выписывал рецепт, и, если больному суждено было жить, он выздоравливал, если же нет — умирал. Словом, доктор Хабиб был хорошим, добрым и чутким врачом, и жители нашего квартала не желали для себя ничего лучшего.

Но однажды утром, идя на работу мимо дома доктора Хабиба, я увидел на другой стороне улицы вывеску, на которой значилось: «Кабинет доктора Махбуба. Терапевт. Прием с 8 до 12 и с 17 до 21 часа».

Ого! Значит, в нашем квартале отныне будут два врача. Государственная программа улучшения охраны здоровья населения претворяется в жизнь. Что ж, весьма приятно.

На следующее утро я увидел, что доктор Хабиб заменил прежнюю вывеску несколько большей. Она гласила: «Кабинет доктора Хабиба. Терапевт, дерматолог и специалист по инфекционным болезням. Прием с 8 до 12 и с 17 до 21 часа». Я поскреб в затылке и пошел себе дальше.

Назавтра обнаружилось, что и вывеска нового врача претерпела изменения. На ней теперь стояло: «Доктор Махбуб. Терапевт, дерматолог, специалист по инфекционным болезням, отоларинголог».

Ну и ну!.. Какие, оказывается, опытные и разносторонние специалисты практикуют в нашем квартале!

Через день вывеска нашего старого врача стала еще обширнее: «Доктор Хабиб. Отоларинголог, окулист, кардиолог, невропатолог, хирург, венеролог».

Но и доктор Махбуб не спасовал. Теперь его кабинет украшалось огромное табло размером три на четыре метра, на котором было каллиграфически выгравировано: «Доктор Махбуб. Терапевт, дерматолог, специалист по инфекционным болезням, отоларинголог, невропатолог, хирург, специалист по излечиванию гонореи и сифилиса».

А доктор Хабиб продолжал наступление. На следующий день его вывеска была на целый метр длиннее вывески доктора Махбуба и, помимо всего того, что было написано на ней ранее, там значилось: «Радикальное излечение гонореи, острого и хронического сифилиса. Обрезание мальчиков по американскому методу. Прием с 7 до 13 и с 16 до 22 часов».

Разумеется, доктор Махбуб не остался в долгу, и вскоре на дверях его кабинета можно было прочесть, что он, сверх всего прочего, выпускник Гарвардского университета (США), ассистент знаменитого хирурга Браттона и помощник главного врача поликлиники при Пенсильванском университете.

Доктор Хабиб нанес ответный удар. Он вывесил щит размером шесть на четыре метра, и мы узнали, что он «выпускник Кембриджского университета, сотрудник известного английского профессора Эдварда и помощник главного врача клиники при Сорбонне, Париж. Прием ежедневно с 6 до 14 и с 15 до 23 часов».

Как нарочно, в эти самые дни я простудился и слег. Дело дошло до воспаления легких. Надо идти к врачу. Но к кому из двух? Посоветовавшись с родными и друзьями, взвесив все резоны, я решил довериться новому доктору. Рано утром, еле передвигая ноги, я допелся до дверей кабинета доктора Махбуба. Мне, несчастному, и в голову не приходило, что доктор Хабиб, притаившись за занавеской, следит за каждым моим шагом.

После осмотра доктор Махбуб выписал мне рецепт. Уплатив ему два тумана, я отправился домой.

Едва я вышел из дверей доктора Махбуба, как передо мной, словно из-под земли, вырос доктор Хабиб.

— Что, прихворнули? — спросил он елейным голосом.

— Да так, малость нездоровится, господин доктор, — смущенно залепетал я.

И тут доктор протянул руку, ловким движением выдернул из моего кулака рецепт, с саркастической усмешкой взглянул на него, разорвал в клочки и выбросил в канаву. Затем, схватив меня за руку, повлек к своим дверям. Мне ничего не оставалось, как покорно следовать за ним.

— Почему никто не скажет этому коновалу, что воспаление легких не лечат микстурой от кашля? — прорычал он и, тут же набросав новый рецепт, протянул его мне: — На, возьми! За визит можешь ничего не платить! Примешь это лекарство и, если через сутки не почувствуешь себя здоровым, я снимаю вывеску! Все!

Я взял рецепт, попрощался с доктором Хабибом и стал спускаться по лестнице. Но не успел я переступить порог его дома, как заметил на противоположной стороне улицы доктора Махбуба, явно поджидающего моего появления. В мгновение ока он очутился рядом со мной и, не успев опомниться, как рецепт доктора Хабиба был уже в его руках:

— Так... А куда же девался мой рецепт? Как это прикажете понимать?

— К... к... клянусь ал...л...ахом, ваш рецепт здесь, в другом кармане, — дрожа от страха пробормотал я. — А это... это рецепт для нашей прислуги, которая страдает язвой двенадцатиперстной кишки!

— Не ври, несчастный! — завопил он и потащил меня в свой кабинет. Там он вручил мне новый рецепт и вернул те два тумана, что я заплатил ему за визит.

На улице меня уже встречал доктор Хабиб.

— Я не допущу, чтобы так нахально переманивали моих клиентов! — крикнул он. — Этот болван не представляет, наверное, с кем имеет дело! Пойдем за мной!

Спротивляться было бессмысленно. Я еле дышал, жар, ломота в костях, испуг и беготня по лестницам совсем доконали меня. Молниеносно выписав еще один рецепт, Хабиб протянул его мне и дал в придачу десять туманов:

— Вот тебе деньги на лекарство!

Взяв рецепт и десять туманов, я, шатаясь от слабости, спустился вниз, но — о ужас! — выйдя из подъезда, носом к носу столкнулся с доктором Махбубом. Прежде чем он успел накинуться на меня, я протянул ему рецепт:

— На, бери и рви в клочья! Но учти, что меньше чем на двадцать туманов я не согласен! Доктор Хабиб дал мне десять!

— Я не позволю дурачить своих пациентов! — прошипел доктор Махбуб. — Я поклялся собственной жизнью, что буду всеми силами бороться за спасение каждого своего больного! Пойдем, я напишу тебе другой рецепт!

Как покорного барашка, он потянул меня за собой и вместе с новым рецептом вручил асигнацию в двадцать туманов.

Хм, дела пошли неплохо! Присопоставив двадцать туманов к прежним десяти, я уже гораздо бодрее спустился вниз. Как я и предполагал, доктор Хабиб ждал меня посредине улицы. В руках он держал новый рецепт. Но не успел я положить его в карман, как доктор Махбуб, словно ястреб, накинулся на меня. Бросив полный ненависти взгляд на доктора Хабиба, он разорвал его рецепт и вручил мне два новых.

— Ну, что еще? — подбоченясь, обратился он к доктору Хабибу.

Тот, не долго думая, молниеносно изготовил три рецепта. Имея уже некоторый опыт в этом деле, я передал два рецепта доктору Махбуба доктору Хабибу, а сам взял три новых.

Доктор Махбуб попытался было выхватить у меня рецепты, но доктор Хабиб ударил его по руке. Ответом была пощечина. Она еще звенела в воздухе, когда доктор Хабиб хватил доктора Махбуба кулаком по челюсти. Началась настоящая потасовка.

В этой перепалке порядком пострадал и я, пытаюсь разнять дерущихся. Из каждого трех ударов два доставались мне!

Наконец подросла полиция. С превеликим трудом нас растащили и доставили в участок, где и завели на каждого солидное дело. (Судебная волокита тянется и по сию пору.)

С этого дня в нашем квартале никто не болел. Впрочем, может, и болели, но не решались обратиться к врачу. Все знали, что с самого раннего утра доктор Хабиб из окна своего кабинета следит в оба за доктором Махбубом, а тот, в свою очередь, не спускает глаз с дверей коллеги.

Из персидской народной лирики

Слышен звук велосипедного звонка:
Едет милый на побывку из полка.
Эй, хозяин маленькой кофейни!
Не найдется ль для влюбленных уголка?

*

Если хочет меня милый — не беда!
В моих жилах кровь, а не вода!
Плохо дело, если милый будет
Свадьбы ждать до Страшного суда!

*

Гранат хорош, жаркое хорошо.
Развлечься с госпожою хорошо.
А ночью спать простому человеку
С румяною женою хорошо.

*

Ты — звезда на небе, я — батрак.
Года три работаю за так,
Года три работаю задаром,
За пять поцелуев, за пятак...

*

Оба наши сердца наравне
Жарятся на медленном огне:
Как шашлык, надеты на шампур,
Как хлеба, посажены в танур.

*

Приходи побыть вдвоем, соседка!
Из одной реки мы пьем, соседка.
Каждый вечер ты в моих объятьях.
Почему же днем заходишь редко?

*

Из деревни отдаленной я пришел.
В родинку твою влюбленный я пришел,
Слышал я, что торговаться любишь ты?
Покупать товар хваленый я пришел.

*

Белогрудая пери сгубила меня,
Сердце вырвала, силы лишила меня,
Разлюбила меня, а потом с удивленьем
«Почему ты не умер?» — спросила меня.

*

Не кричи «милый» — я не твой милый.
Не задабривай, не тани силой.
Ты — инжир черный, я — инжир белый.
Я — гранат спелый, ты — росток хилый!

*

Семь дней прошло, и много дней прошло.
Весна и лето вслед за ней прошло.
Ты обещал: вернусь через неделю...
А сколько тех недель, злодей, прошло?

Перевел с персидского
Герман Плисецкий